

Тринадцатый город

Автор:

Сергей Лукьяненко

Тринадцатый город

Сергей Васильевич Лукьяненко

Сборник «Пристань желтых кораблей» #1

Сергей Лукьяненко

Тринадцатый город

Как правило начинающий автор не разменивается на рассказы – он начинает писать РОМАН. Сил у автора обычно не хватает, роман превращается в повесть или обрывается на середине. Но все равно, зуд написания РОМАНА у молодых авторов неистребим.

Начав с рассказов, я достаточно быстро (через месяц) приступил к написанию «романов». Так же как и рассказы, я писал их от руки в общей тетрадке, после чего давал почитать друзьям. Так были написаны следующие произведения: трилогия «Холодное пламя» – «Танцы на снегу» – «Прости мне свою боль», несколько неоконченных романов («Абсолютная гарантия», «Прекрасное далеко») и, наконец, «Тринадцатый город».

Если трилогия навсегда осталась в рукописном варианте (поверьте, вот этого ТОЧНО не надо перепечатывать и публиковать!), только понравившееся мне название «Танцы на снегу» через много лет было отдано другому роману, то «Тринадцатый город» я счел возможным перепечатать на машинке, подвергнуть легкой редактуре – и даже предложить для публикации. И эта достаточно наивная «антиутопия» действительно вышла в свет – в алма-атинском журнале «Заря» и в «солидном», с твердой обложкой и красивым золотым тиснением

сборнике «В королевстве Кирпирляйн». Тираж у сборника, между тем, был сто тысяч экземпляров – и в разговорах с фэнами я теперь мог назвать «Тринадцатый город» и услышать в ответ: «О! Читали! Ничего так...»

Понятное дело, что «ничего так» это было в первую очередь на фоне остальной российской фантастики, которая всегда умела быть качественной, но еще побаивалась быть увлекательной. А мне, начинающему и молодому, было самому интересно нагородить как можно больше приключений. Я писал, и чувствовал, как сопротивляется текст. Я с трудом складывал слова в предложения, а предложения – в абзацы. Мне было трудно описывать людей, пейзажи, схватки – все на свете было трудно.

Но я почувствовал, что у меня уже что-то получается...

Часть первая

Внутри и снаружи

1. Час благодарения

Это было обычное утро второго города. Тири проснулся рано: стены и потолок спальни лишь начинали светиться. Он полежал немного, глядя на предметы, все сильней и сильней проступающие из темноты. Потом повернулся к соседней кровати и толкнул Гэла:

– Вставай, засоня! Скоро подъем!

Гэл потянулся, зевнул и сел на кровати. Стены светились уже совсем ярко. В дальнем углу проснулся еще кто-то: звонко шлепнули о пол босые ноги. Ближился час Благодарения.

В длинной умывальной комнате, обшитой розовым пластиком, тоже включился свет. Ребята встали рядом у умывального желоба. Дозатор щелкнул и выдавил им на ладонь немного мыльной пасты.

- Сегодня зеленая, - сказал Тири.

Гэл ничего ему не ответил. И так ясно, что зеленая, сегодня же не праздник, чтобы выдали синюю. И не медицинский день, чтобы умываться пришлось противной, какой-то колючей, белой дезинфект-пастой.

Умывшись, они постояли немного под струями теплого воздуха, льющимися с потолка. Потом вернулись в спальню - до прихода Дежурного надо было заправить кровати и подогнать выданную на эту пятидневку одежду.

- Бегом! - крикнул Форк.

Гарт и Арчи вскочили с горячего песка и бросились вперед. Арчи почти сразу отстал - бегал он плохо. За это его и не хотели брать в группу... Арчи стиснул зубы и накрепко все силы, глядя на широкую спину проводника.

- Стойте! - Форк, бежавший впереди, замер.

Они тоже остановились, смотрели, как проводник озирается по сторонам, настороженно вслушивается, нюхает воздух. Форк вдруг лег и быстро-быстро пополз вверх по горному склону. Мелкие камни скатывались вниз.

- За мной!

Арчи полз вслед за Форком, чуть ли не утыкаясь лицом в стертые подошвы его ботинок. Ползти было неудобно, приклад автомата все время цеплялся за камни, стучал, и Форк уже несколько раз ругался, шипел на Арчи.

Наконец они добрались до гребня холма. Осторожно выглянули из-за него. У Арчи перехватило дух. Далеко впереди, в выжженной желтой пустыне, вздымалась на многокилометровую высоту толстая стальная колонна, увенчанная огромным диском.

– Город! – свистящим шепотом сказал, прикрыв рот рукой, Гарт. – Вот он, проклятый!

Дима еще раз попытался вскрыть пульт. Бесполезно. Он стоял, бессильно оглядывая искореженную рубку, залитую мертвенным синим светом аварийных ламп.

– Уходи, пилот, – донеслось из динамика.

– Я тебя не брошу, – Дима снова взялся за отвертку.

– До взрыва семь минут. Уходи, пилот. Даже если ты достанешь блоки памяти, это мне не поможет.

По лицу Димы текли слезы. Он налег было на отвертку, стараясь провернуть сорванный винт, но почувствовал сзади прикосновение. Обернулся и увидел белую сверкающую глыбу кибера. Дима слишком поздно понял, в чем дело. Его вскинуло на трехметровую высоту. Болтаясь в стальных лапах робота, он выплыл из рубки.

– Отпусти!

– Спокойно, пилот. Я вынужден спасти тебя против твоей воли, – голос кибермозга теперь шел из бронированной груди робота.

– Отпусти, ты должен повиноваться!

– Повиновение – лишь второй закон, пилот. А спасение твоей жизни – первый. Я выведу спасательную шлюпку к планете. Прощай.

Кибер мощным толчком забросил пилота в шлюпку. Дима вскочил, но люк уже захлопнулся. Он бросился к пульту. Клавиша мягко ушла в панель, мигнул индикатор, но люк не открылся. Управление было заблокировано кибермозгом... Толчок был не сильным. На вспыхнувших экранах показался удаляющийся корабль. Разорванный шар двигательной установки, темные хлопья замерзшего

горючего, кружащиеся вокруг... Диме даже показалось, что он видит алый свет перегретого реактора. Но это, конечно, было самовнушение. Корабль превратился в крошечную точку. И еще раз возник в динамиках голос:

- Я связался с ретранслятором, пилот. Через два месяца к тебе придут спасатели. Не унывай.

- Не хочу, чтобы ты погибал! - Дима сжал в руке микрофон.

- Ничего не поделаешь. Прощай, Димка. Мы хорошо шли... - казалось, голос кибермозга дрогнул. Но это, конечно, тоже было самообманом.

Точка-корабль на экране вдруг дернулась и разбухла в огромный белый шар, прорезаемый красными сполохами.

Дима сел в кресло пилота. Включил автоматику. Проверил все системы. И заплакал.

- Благодарение городу, прекрасному и великому, благодарение тоннелям длинным...

- Благодарение пище и благодарение воде, воздуху чистому и свежему - благодарение, свету яркому - благодарение...

- Благодарение тем, кто внутри, тем, кто равен и счастлив...

- Благодарение тем, кто выбран, и тем, кто выбирает, тем, кто думает, и тем, кто выполняет...

- Благодарение... Благодарение...

Ударил гонг. Наступало время занятий. Тири встал с пола (машинально отметив, что на пластике протерты его коленями широкие вмятины) и надел Знак.

Спросил Гэла:

– Ну что, идем?

– Идем.

По длинному коридору они вышли на проспект. Толпа сегодня была большой. Впрочем, такой же, как вчера. Как позавчера. И как завтра тоже... Двухцветные кружки Знаков мерно покачивались на серых комбинезонах. Мелькали самые разные оттенки нарукавных манжет: черные, ученические, как у Тири и Гэла; синие – инженерные; желтые – медицинские... Ребята медленно продвигались к кабине лифта. Автоматика отмерила двадцать человек и закрыла двери. Лифт пошел вниз. Тири и Гэл попали в одну партию. Они переглянулись и подмигнули друг другу. Совсем незаметно... Гэл тихо шепнул:

– Попробуем сегодня...

– Ладно...

Они понимали друг друга с полуслова. Из своих шестнадцати лет ребята были знакомы почти семь. Явление неслыханное. Удивительное. И – запретное. Автомат-лифтер проскрежетал:

– Шестой ярус, пятьдесят четвертый этаж.

Ребята вышли в раскрывшиеся двери. Поклонились Дежурному. Затянутый в матово-черную форму мужчина лениво махнул вправо. Гэл шепнул:

– Сегодня в третьем корпусе...

– Жаль. Пятый лучше...

Они зашли в аудиторный зал. Почти все места были уже заняты. Лишь самый верхний ряд заманчиво светлел провалами пустых кресел. Гэл толкнул Тири – «не торопись». Но у того уже мелькнула мысль о проверке. Он шагнул к лектору:

– Равный! Попросите кого-нибудь поменяться со мной местами! Я не хочу сидеть с Гэлом!

Лектор нахмурился, сказал, сдерживая гнев:

– Дерзость не украшает юношей! Запомни: все равны, все одинаковы, все заменимы! Садись с Гэлом. И будешь сидеть с ним всю пятидневку.

Скорчив расстроенное лицо, Тири поплелся наверх. Они сели, демонстративно не глядя друг на друга. Включили свои дисплеи.

– Тишина! – сказал лектор.

Все замолчали. Лишь какой-то парень, заболтавшийся с соседом, громко выпалил:

– Наружник ты, Ласт...

И замолчал в растерянности. Аудитория взорвалась хохотом. Лектор помрачнел. Громко сказал:

– Говорившему – встать.

Испуганный парень поднялся. Пробормотал:

– Я не хотел... Я случайно. Вырвалось.

Лектор накалялся все больше и больше:

– В мои годы за такие слова наказывали! Как тебе не стыдно произносить это слово! Что, твой сосед – убийца? Или людоед?

Парень молчал.

– Тогда зачем ты назвал его «наружником»? Садись и подумай над своей несдержанностью. Дежурному твоего сектора я сообщу.

Лектор отпил воды из стакана.

- Ну, что ж. Тема сегодняшнего занятия...

Диаметр колонны был километра два. Сейчас, когда они лежали у самого подножья, казалось, что стальная стена даже не закругляется. Арчи невольно охватило восхищение: «Это ж надо построить такое!» Диск, в который переходила на трехкилометровой высоте колонна, скрывал их от солнца. Песок здесь был сырой, кое-где в нем даже пробивалась трава. Арчи лежал на спине и смотрел вверх, на металлическое днище диска. В лучах заходящего солнца поблескивали тонкие ниточки-тоннели, уходящие от диска куда-то вдаль, растворяющиеся в голубизне неба. По ночам, особенно в ветреную погоду, тоннели были видны гораздо лучше. Поддерживающее поле рождало вокруг них дрожащее зеленоватое свечение. Арчи объясняли причину, но он уже успел ее забыть. Что-то связанное со статическим электричеством...

Подошел Форк, сел рядом. Сказал негромко:

- Не волнуешься?

Арчи покачал головой. Спросил:

- А еще долго ждать?

Во взгляде Форка явственно мелькнула улыбка.

- Ждать мы еще и не начинали. Вот если Гарт найдет вход... Они могли давным-давно заделать все слабые места.

- Зачем? Они же полагаются на пояс радиационной защиты...

На этот раз Форк не стал скрывать улыбки.

- Мне бы твою уверенность... Только стар я, наверное.

Арчи хотел было обидеться... Но не успел.

- Эй, сюда! - Голос Гарта шел откуда-то справа.

Они встали. Арчи осторожно провел рукой по стальной стене. Ни ржавчины, ни вмятины. Его снова охватил страх. Арчи перехватил поудобнее рюкзак и пошел за Форком. Проводник шел неторопливо, на ходу роясь в карманах. Достал кусок жесткого, как камень, мяса, понюхал. От мяса несло гнильцой - видно, плохо коптили. Форк поморщился и стал жевать.

Шлюпка стояла на четырех амортизаторах. Передние прогнулись, и нос уткнулся в раскиданный при посадке песок. Дима долго стоял у иллюминатора, разглядывая вихляющую во все стороны борозду. И как только не перевернулся... Он привычно уселся в пилотское кресло (иными удобствами шлюпка не располагала), взял с пульта карту. Самая обычная карта, к тому же - весьма схематичная. Три материка, два - покрытых льдом на полюсах, один - прожаренный солнцем - на экваторе, горы, моря и океан...

Вот только разноцветные пятна, усеявшие экваториальный материк, заставляли сердце биться сильнее. Двенадцать зеленых точек - крупные скопления металла, образующие правильный круг почти тысячекилометрового радиуса. Слабая зеленая муть посередине - очень похоже на земной город. И красные оспины по всему матерiku... Это было уж совсем скверно - радиация. Пусть не очень высокая, но...

Дима задумался. Планета обитаема? Несомненно.

Удивительно. Первый рейс, и корабль гибнет. Помощь придет лишь через два месяца. А пока он находится на планете, где существовала или существует цивилизация. Прямо-таки классическая задача из учебника ксенологии...

В памяти у Димы одна за другой всплывали услышанные когда-то истории. Одному стажеру устроили встречу с «инопланетным» кораблем... Других сажали на планете с веселым названием Имитатор... Раньше он смеялся над такими рассказами. А вот сейчас... Неужели его проверяют?

Дима прошелся по шлюпке. Два метра назад, два метра вперед... Особым комфортом шлюпка не отличалась. Но, согласно Уставу, он должен ждать спасателей, не выходя из нее. «Если это проверка, если за мной наблюдают, то

получу высший балл. За дисциплинированность... Или низший – за пассивность? Нет, высший не поставят – я же буду действовать по Уставу. Хотя кто ни разу не нарушал Устав? Есть ли такие? Иван на Блэк Раунде нарушил восемнадцать параграфов. А если бы он этого не сделал?.. А Стас, мой кумир на первых курсах космошколы... Сбивая „чужого“, он поступил по Уставу. И даже когда комиссия вскрыла обгорелые люки, никто не сказал ему ни слова упрека. Но я не пожму руки Стаса...»

Дима подошел к пульту. Топлива было мало, очень мало... Но до ближайшей из точек на карте добраться можно. Он сел в кресло и пристегнулся. Надавил на клавишу «подача рабочего тела». В корме тоненько завывала турбина, подкачивая к двигателям сжатый водород. Стартовать придется с места, уменьшая нагрузку на злополучные передние амортизаторы...

Вначале из-под шлюпки взметнулся песок. Потом, с торжествующим гулом, – прозрачное синеватое пламя. А потом снова песок, целые тучи песка... Когда они осели, шлюпка уже исчезала в небе.

2. Секторальный

Тири потянулся к раздатчику. Прибор щелкнул и протянул ему вечерний рацион. Шедший следом Гэл получил свой яркий полиэтиленовый пакет. Стараясь держаться вместе, они подошли к столику. И снова им повезло – были свободны два места рядом. Тири вскрыл свой рацион и поморщился. Номер шесть – тарелка каши, белковые шарики и донельзя противный сок киланы. Ничего не поделаешь, машина определила рацион, исходя из его потребностей в пище... Гэл поймал взгляд Тири, осторожно толкнул ему свой стакан с кофе, а сок забрал себе.

– Зря! – укоризненно сказал Тири одними губами.

Гэл и сам знал, что зря. И не Тири было учить его осторожности. Но смотреть, как друг, давясь, пьет мутную кислую жидкость, он не мог.

Торопливо проглотив кашу, Тири встал и пошел к выходу. Через минуту поднялся и Гэл.

...В спальне из группы еще никого не было. Опять повезло! И что за день сегодня? Тири подждал друга, стоя возле самой двери. Наконец в коридоре слышались торопливые шаги, дверь качнулась и уползла в стену. Гэл вошел, и привычно-доброжелательное выражение его лица сменилось улыбкой. Тири осторожно взял его руку. Они постояли немного, держась друг за друга. Ладонь у Гэла была маленькая и слабая. Его считали слишком нежным, и не зря...

- А меня Дежурный сектора останавливал. Я из-за этого задержался...

Тири удивленно посмотрел на друга.

- Зачем?

Гэл лишь пожал плечами:

- Спросил, в каком корпусе были занятия...

Они снова замолчали. Гэл высвободил руку, сказал:

- Я сейчас в лифте видел одного Равного... Мы с ним когда-то учились вместе...

Почему-то Тири разозлился:

- Ну и что? Он тебя узнал?

Гэл опять улыбнулся:

- Откуда я знаю...

В коридоре слышались шаги, и Гэл торопливо пошел в умывальную. Тири сел на свою койку, разгладил рукой складки на покрывале. Он не ощущал себя счастливым - верный признак болезни. Но если пойти к врачам, они опять ничего не найдут. Такое с ним уже случилось...

Удивительно, как Гарт сумел найти люк. Арчи снова и снова разглядывал тонкую трещину метровой ширины, почти незаметную в блеске металла. Форк и Гарт спорили рядом.

– Аварийный пожарный спуск, – Гарт старался говорить уверенно и солидно.

Но проводник лишь иронически улыбался:

– Слишком много хочешь, технарь. Это просто запасной воздуховод.

– Ну, хорошо, сейчас сам увидишь!

Гарт отстранил Арчи и прильнул к расположенному на высоте груди люку. Не оборачиваясь, запустил правую руку в болтающуюся на боку грязную матерчатую сумку. Достал побитые, почерневшие от времени плоскогубцы, длинную отвертку, бережно обернутый поролоном резак...

Горючего все-таки не хватало. Дима посадил шлюпку километрах в двадцати от цели. К этому времени на экране локатора уже проступила исполинская металлическая башня – километра три, не меньше, увенчанная толстым диском. Дима достал было выходной комплект, но вовремя остановился. Уже стемнело, и выходить из шлюпки было бы безумием. Он разложил кресло, слегка надул его и лег спать. За тонкой обшивкой тихонько шуршал песок. Это напоминало слабый летний дождик... Сквозь сон Дима подумал, что надо было садиться ближе к одной из многочисленных скал, с подветренной стороны. А то присыплет так, что и не взлетишь... Он совсем забыл, что у него все равно не осталось горючего...

Экран занимал полстены, и на лице мэра была видна каждая морщинка. Два десятка подростков старшей учебной группы сидели прямо на полу. Кто у самого экрана, кто подальше... Это не определялось никакими правилами. Важно было лишь периодически менять места...

Мэр улыбнулся, сказал мягким, теплым голосом:

– Равные! Сегодня мы решаем три важных вопроса. Пусть мысли ваши будут светлы и открыты...

Не в первый раз Тири слышал ритуальную формулу начала голосования. Но все то же неизъяснимое волнение охватило его. Смесь гордости, любопытства, сосредоточенности...

– Итак, первый вопрос. Поступило заявление от Дежурного седьмого яруса: вследствие старения оборудования лифты не достигают нужной скорости. Возникают заторы. Но ведь до общегородского ремонта еще три пятидневки! Мы должны решить, что будет большим отклонением от равенства: ремонт или транспортные заторы. Есть ли среди нас такие, кто рекомендует ремонт?

Тири надавил на правую половину Знака. Взглянул на Гэла – тот тоже голосовал «за». Они одинаково не любили ездить в лифте...

На экране вспыхнули цифры: «96,32 % – против проведения внеочередного ремонта». Мэр просиял.

– Равные! Я рад, что мы сохраняем порядок. Любая внеочередность – зло. Как жаль, что четыре процента, конечно, лишь из самых лучших побуждений, рекомендовали обратное... Ну, а Равным седьмого яруса придется вставать пораньше.

Тири смотрел в пол. Опять он ошибся... Но ведь и то, что на седьмом ярусе будут недосыпать, – нарушение равенства! Почему все поняли, что это меньшее зло, а он не догадался... Может, оттого, что любит поспать и терпеть не может толкотни в лифтах? «Это все мои атавизмы... Но ведь у многих есть отклонения от нормы. Многие поступают не так, как надо. Ласт, например, излишне увлекался книгами по математике, но потом исправился. Атавизмы поведения легче ликвидировать, чем атавизмы строения тела. До сих пор у половины Равных сохраняется ненормальная фигура...» Тири украдкой посмотрел на Гэла. Последние годы у него, как и у многих других ребят, атавизмы проявлялись вовсю. Появилась дурацкая, неравномерная полнота: на груди, например, все так и выпирало. Гэл злился, но сделать ничего не мог...

– ...кто – за? Думаю, что тут двух мнений быть не может.

Задумавшись, Тири прослушал вопрос. Он наобум надавил правую половину Знака, и растерянно оглянулся. О чем же они голосовали?

– Великолепно! В этом вопросе мы единодушны: температура воздуха в запасных складских помещениях останется прежней. И, наконец, последний вопрос. Кто из нас согласен с порицанием, вынесенным четвертой медицинской лаборатории? Совершенно оправданное порицание, на мой взгляд...

Тири поморщился, вспоминая. Вчера, на лекции, им что-то говорили... Четвертая лаборатория проводила вредные исследования генотипа. Деталей Тири не знал, но мэру они, конечно, были известны.

– Эти горе-ученые доисследовались до того, что стали отрицать возможность полного равенства! Кто согласен с их порицанием?

Ну и ну! Тири без колебаний надавил на Знак. Согласен.

Гарт вдруг отскочил от стены. Люк тихонько звякнул, и медленно, словно нехотя, вывалился наружу. Торжествующая улыбка сползла с лица Гарта – отверстие было закрыто тонкой стальной решеткой, за которой угадывались неподвижные вентиляторные лопасти.

Форк захохотал:

– Не грусти, технарь! Походишь в набег с мое – не будешь ошибаться. А воздуховод еще лучше, чем пожарный выход, здесь не предусмотрена сигнализация.

Гарт огорченно помотал головой и прильнул к решетке. Постучал по ней, поцарапал напильником:

– Часа на два работы!

Проводник невозмутимо достал флягу, отхлебнул воды, тщательно закрутил пробку.

- Не спеши. Все равно пойдем попозже, когда все уснут.

Диме снилась Земля. Космодром Службы Дальнего Поиска в пустыне Калахари, руководитель практики Глеб Разумовский, соревнования по виндсерфингу за неделю до старта...

Защитная система шлюпки ощупывала скалы лучом локатора, снова и снова возвращаясь к далекой стальной башне. Она была словно пропитана энергией, сквозь броню сочились какие-то излучения, обрывки явно осмысленных сообщений... Это было потенциально опасно...

Пилот спал.

Потолок угас. Через несколько минут в спальне слышалось ровное сонное дыхание двадцати старшегруппников. Впрочем, нет, не двадцати, а восемнадцати. Тири повернулся к соседней кровати, стоящей почти вплотную:

- Гэл!

- Что?

- Помнишь, как мы три года назад встретились, и ты меня сначала не узнал?

- Угу.

- Гэл, послезавтра распределение.

- Я знаю.

- Гэл, ведь может же такое быть, что мы еще встретимся? Даже если нас отправят в разные города!

- Конечно, может...

– Гэл, а если послезавтра... Группу уже шесть раз тасовали, а нам с тобой везло. Вдруг теперь попадем на разные ярусы, в разные сектора, тебя через год направят инженером в седьмой город, а меня врачом в пятый. Давай поклянемся друг другу, что тогда всю жизнь будем переходить из города в город и искать...

Гэл приподнялся на кровати, зашептал быстро и сбивчиво:

– Хорошо, Тири. Я согласен. Только если нас направят в разные группы, я тут же умру...

– Гэл, глупый, как ты можешь такое говорить! Ты же знаешь, что умирают в шестьдесят лет!

– А разве раньше нельзя?

– Ну... – Тири даже растерялся от такого вопроса. – Если наружники тебя похитят и убьют. Или если на заводе наглотаешься газа... А без этого люди не умирают! Помнишь, как говорится в Благодарении?

– Помню: «Благодарение жизни, равной и радостной, всем шестидесяти годам, и уходу тихому – благодарение...»

– Осторожно!

Ребята замерли под простынями, задышали спокойно и медленно. Дверь спальни открылась, по кроватям пробежал тонкий лучик света. Дежурный!

Конечно, все Равные – равны. Но... Тири вдруг вспомнил странные взгляды, которые Дежурный их сектора бросает на Гэла. Все они, Дежурные, хоть и кричат громче всех о равенстве, не похожи на других. А этот – вообще. Высокий, намного выше нормы, широкоплечий... Рыжий! И не перекрашивается, как делают почти все...

Дежурный по-прежнему стоял у двери, словно выжидая чего-то. Вдруг уменьшил свет фонаря и пошел вдоль кроватей. Остановился возле Гэла. Послышался шорох – Дежурный рылся в аккуратно сложенной одежде. Сквозь полуприкрытые веки Тири следил за его движениями, недоумевая все больше и

больше. Дежурный тем временем нашел то, что искал. В его пальцах мелькнул черный диск – гладкий, с едва заметной бороздкой посередине, с длинной металлической цепочкой... Знак! Дежурный повернул диск ребром, где был выдавлен номер, долго смотрел на цифры, запоминая их. Положил Знак на место, но не ушел, а продолжал стоять возле Гэла. Тот лежал тихо, притворяясь спящим. Дежурный наклонился и осторожно коснулся его волос, прошептал что-то тихое и непонятное. Дежурные частенько говорили непонятные, лишённые смысла слова. А может, там и был смысл... У всех профессий есть свои жаргоны, почему Дежурные должны были быть исключением?

Рыжий секторальный все стоял и стоял. Фонарик чуть дрожал в его руках, и светлые волосы Гэла то вспыхивали в темноте, то снова погружались во мрак... Тири внезапно понял, что смотрит на Дежурного уже не с удивлением и даже не со страхом. Он больше не относился к секторальному равнодушно! Но и не так, как к Гэлу, а, скорее, совсем наоборот. Дежурный вдруг оглянулся и наклонился еще ниже...

Тири вскочил. Что-то слепое, яростное сбросило его с кровати, сжало судорогой пальцы, напрягло все мышцы. Секторальный мгновенно выпрямился, посмотрел на Тири. У него был очень странный взгляд. Так равные смотрят на заевший автомат, на лифт, который сломался, когда надо спешить, но еще никогда Тири не видел, чтобы так смотрели на человека. Он не догадывался, что и в его глазах горит такое же черное, ненавидящее пламя.

– Однако! – сказал Дежурный, сказал насмешливо и презрительно. Взял Знак Тири, взглянул на номер и, пятясь, вышел из спальни.

Тири медленно сел на кровать. Гэл раскрыл глаза и с отчаяньем посмотрел на него:

– Тири, что теперь будет?

– Не знаю.

Рюкзаки они сложили на песке, последний раз проверили автоматы и рассовали по карманам патроны. Возбуждение ледяным холодком струилось в крови. Даже Форк перестал притворяться невозмутимым. Поглядел на часы, нервно повел

головой. Достал из нагрудного кармашка закручивающуюся коробочку, не таясь, вдохнул мелкий темно-бурый порошок. Арчи и Гарт переглянулись. Стимуляторы были категорически запрещены, и они знали это не хуже Форка. Впрочем, в Лагере проводник себе такого не позволял...

Часы на руке Форка пискнули. Это были хорошие, «вечные» часы, предмет всеобщей зависти. Их можно было достать только в городе...

– Запомните – берем тех, кто помоложе. Тащить легче, и меньше шансов, что свихнутся, – Форк проговорил это неестественно быстро, глаза его беспокойно блестели.

Они исчезли в воздуховоде поодиночке – вначале проводник, затем Гарт. Арчи перепрыгнул через валяющуюся на земле решетку и обломки вентилятора, взглянул еще раз на чистое небо, усыпанное огоньками звезд... И полез в узкую, пахнущую пылью трубу.

Зверьку не везло всю ночь. Он был слишком мал, чтобы напасть на песчаных ящериц, и слишком голоден, чтобы довольствоваться ночными жуками. Едва уловимые запахи вели его между скал, но все они были либо слишком старыми, либо опасными. Но вот порыв ветра донес еще один запах – непривычный, заставивший нервно раскрыться маленькую пасть. Странное металлическое яйцо застыло на песке – огромное, обгорелое, мертвое. Мертвое – значит, неопасное. Зверек подбежал поближе.

Следящий луч коснулся теплого живого комочка. Живое – значит, опасное. Маленькое – значит, не способно нести в себе разум.

Вспыхнула в ночи раскаленная игла лазерного излучения. Раздался судорожный визг. И наступила тишина. Лишь ровно и надежно гудели приборы.

Пилот спал.

3. Налет

«Это конец...» Мысли были какими-то ленивыми и безразличными. Тири понимал, что его странный поступок не останется безнаказанным. Нотацией или публичным покаянием он не отделается. Скорее всего, его ждет общественное порицание – полная коррекция психики.

«А что я, собственно, сделал? Просто встал, может быть, мне захотелось попить. Увидел Дежурного – и от удивления замер на месте». Тири помотал головой. Не стоит хитрить с самим собой. Дежурный все понял, он прочел в его глазах самый страшный из атавизмов – равнодушие к человеку.

Гэл сел рядом, обхватил Тири за плечи. Спросил совсем тихо:

– А зачем он приходил, этот секторальный?

– Запомнил номер твоего Знака. А потом долго смотрел на тебя. Так странно смотрел, я думал, только мы так друг на друга смотрим... Слушай, Гэл, если будет собрание, то я скажу, что Дежурный сам атавик!

Тири даже не заметил, что, произнося слово «сам», он заранее согласился с непредъявленным еще обвинением.

– Это не поможет...

– Все равно! Пусть ему тоже будет плохо, пусть! Если бы я мог, то выбросил бы его из города, он хуже наружника, он...

– Тири, Тири, замолчи! Все равны, все одинаковы, все заме...

– Нет! Ты для меня не одинаковый, незаменимый! Ты не такой, как все!

– Тири, ты для меня тоже...

Дверь открылась. Впереди шел Дежурный их сектора. За ним неторопливо вышагивал Дежурный по ярусу.

Ребята вскочили. Дежурный по ярусу вышел вперед. Медленно поднял свой черный жезл, спросил:

- Эта?

Какой-то неправильный вопрос. Словно спросил о машине: «эта?». О Равном всегда говорят «этот». Может быть, их уже не считают за равных? Мысли у Тири путались.

- Да, - секторальный кивнул.

- А у тебя хороший вкус. По коэффициенту подходит?

- С лихвой. Я же скоро возвращаюсь...

- Понял уже. Что ж, это твое право.

Дежурные разговаривали так, словно не замечали ни Тири, ни Гэла. И от этого было особенно страшно.

- А парень, значит...

- Я был потрясен. Такой взгляд, просто мороз по коже.

- Хорошо. - Дежурный яруса направил жезл на Тири. - За мной, номер 12-364-907-Тири.

В каком-то спасительном оцепенении Гэл смотрел им вслед. Дверь закрылась, а он не в силах был отвести от нее взгляда. В углу спальни кто-то завозился, привстал с постели. Недоуменно взглянул на Гэла, открыл было рот, но промолчал, снова лег.

* * *

- Первый ярус, восьмой этаж.

Тири еще никогда не спускался так низко. Лишь слышал, что тут находятся сектора Дежурных.

И ярусный, и секторальный шли впереди. До Тири донесся обрывок реплики:

– ...в тринадцатый. Пусть сами решают...

– Стоять! Руки за голову!

Тири не сразу понял, в чем дело. Увидел окаменевшие фигуры Дежурных, машинально остановился сам. И обернулся на голос.

Их было трое. Непривычно одетые, ненормально длинноволосые, с резкими, напряженными лицами. Чужие. Двое совсем молодых, чуть старше Тири, а одному, наверное, за сорок. И еще у них были в руках странные металлические предметы: толстые трубки с двумя рукоятками. Трубки были направлены на Дежурных.

Молчание длилось лишь несколько секунд. Потом тот, который был старше, нехорошо улыбнулся:

– Какая удача! Дежурные! И не всякая мелочь, а сам ярусный!

За спиной Тири раздался отчаянный, полный страха, визг. Ярусный, с искаженным от крика лицом, вскинул свой жезл. Жезл вспыхнул и выбросил многометровую огненную струю. Но за секунду до этого трубки в руках парней загрохотали, забились, расцветая язычками пламени, струйками сизого дыма. Раздался звук падения тяжелого, грузного тела.

Тири стоял в оцепенении. Ему казалось, что он видит необычный, запретный сон, что сейчас ударит гонг, и он раскроет глаза. Гонга не было. Высокий парень в буровато-желтой куртке взмахнул рукой, тонкая оперенная игла просвистела в воздухе. Укол в плечо. И темнота, упавшая со всех сторон.

– Гад, трусливый гад! Ушел! Куда вы смотрели, молокососы! – Фокс, добежавший до поворота, уже спешил обратно.

– Куда? А что, по-твоему, мы должны были ждать, пока нас подпалят? – Гарт, кривясь от боли, тер покрасневшее лицо. Поднял жезл, спросил: – Возьмем?

– Выбрось. Это одноразовое оружие... Упустили второго, дурачье!

– Хватит, проводник! – с едва заметной угрозой сказал Гарт. – Ты тоже хлопал глазами! И вообще, слишком волнуешься!

Форк сразу обмяк. Кивнул головой.

– Ты прав... Ладно, сматываемся, а то рыжий щенок поднимет тревогу! Тащите парня.

Они побежали по коридору. Остановились у широкого отверстия, закрытого пластиковой сеткой. Гарт сильно дернул – сетка, подрезанная с трех сторон, задралась кверху. Арчи пошел первым, за ним Форк спустил обмякшее тело юноши, придержал, пока его не подхватил Арчи, скользнул сам. Гарт внимательно обвел взглядом коридор и тоже полез в вентиляционную шахту.

* * *

Он не мог спать. Понимал, что должен уснуть, чтобы набраться сил перед занятиями, и даже смутно догадывался, что сон приглушит боль... Но уснуть не мог. Гэл взглянул на соседнюю кровать – белели смятые простыни, плоская и жесткая поролоновая подушка. Тири увели. Навсегда. «Я же его больше не увижу», – вдруг понял Гэл. Вскочил, задев за что-то в полумраке, натянул брюки и рубашку, бросился к двери. Заметил, что лицо у него мокрое, но раздумывать, отчего это, не было времени.

Гэл бежал по пустынному коридору к лифтам, где находился пост секторального. Может быть, Тири еще там...

На посту никого не было. Он прислонился к стене, постоял, сдерживая отчаяние. И разревелся, не понимая, что с ним происходит, смутно вспомнив, что плакал давным-давно, в детстве, а потом его отучили, потому что это тоже атавизм...

Стукнули двери лифта. Гэл резко обернулся и увидел секторального. Но в каком виде! Куртка разорвана, на лице длинный кровотокающий след, а от прежней уверенности в движениях не осталось и следа. Дежурный увидел Гэла и замер:

- Ты?

Гэл молчал.

- Ты плакал, малыш? - Секторальный неожиданно затрясся от смеха. - А я в тебе не ошибся!

- Где Тири? - Гэл даже не понял, что кричит на Дежурного. Но тот не возмутился. Прекратил хохотать, шагнул ближе, взял Гэла за плечи, наклонился к нему. Сказал слишком уж убедительным голосом:

- Мы бы его строго не наказывали. Вынесли бы нотацию и отпустили обратно.

Гэл взглянул в темные, прищуренные глаза и понял: врет. Но ничего не сказал, ждал продолжения.

- Ты понимаешь... На нас в первом ярусе напали. Наружники... Ярусного убили, а Тири забрали с собой, понимаешь? Я чудом успел уйти... Ты не бойся.

Это была правда, Гэл понял сразу, так же, как минуту назад почувствовал в словах ложь. Стены словно вздохнули и разошлись в стороны, пол закачался под ногами, лампы расплылись в десятки разноцветных колец. И из этого далекого мира доносился голос Дежурного:

- ...знаешь, что бывает с ними. Но теперь ничего не поделаешь. А ублюдков поймают... Ты, главное, не бойся. Тебя не будут наказывать. Иди спать и ничего не бойся...

А чего теперь можно бояться? Он считает себя очень умным, секторальный... Пусть он вначале объяснит, чего теперь можно бояться? Зачем бояться, зачем спать, зачем вообще что-то делать? Тири нет.

Гэл медленно прошел мимо Дежурного, шагнул в раскрывшиеся двери лифта. Секторальный что-то сказал, но створки уже сошлись, отсекая вопрос и ту жизнь, где был Равный по имени Тири...

- Куда? - равнодушно спросил автомат.

- Двенадцатый ярус, сотый этаж.

Лифт пошел вверх. Конечно, приборы регистрируют эту ненужную поездку. Но это уже было неважно. Прежние запреты потеряли смысл.

Дверь лифта раскрылась.

- Двенадцатый ярус, сотый этаж.

Кто и зачем предусмотрел в металлической коробке Города этот коридор? Зачем древние строители опоясали последний, промышленный, ярус стеклянной галереей? Гэл не знал этого. Однажды он и Тири проходили здесь, и на несколько бесконечно коротких минут им удалось увидеть свою планету. Желтые пустыни, серые скалы, бездонное синее небо... Они всегда мечтали побывать на этом этаже, еще раз взглянуть на дикие, смертельные, но такие манящие просторы. Их общая мечта была почти осуществимой, и от этого особенно тайной.

Гэл вышел на Галерею. Это был обычный коридор, у которого одна, наружная, стена была заменена выпуклым стеклом. Галерея обходила весь пятикилометровый диск Города по окружности. В общем-то, это была удобная транспортная магистраль. Но вот ходить по ней было не принято, не рекомендовалось Дежурным двенадцатого яруса. А если ярусный что-то не рекомендует - это уже запрет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/sergey-lukyanenko/trinadcatyy-gorod>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)